

РЯЗАНСКАЯ ЗЕМЛЯ И АРТАНИЯ/АРСАНИЯ В АРАБСКИХ ИСТОЧНИКАХ

Логинов Дмитрий Сергеевич

К.и.н., доцент, Рязанский государственный
медицинский университет имени И. П. Павлова
dimok_star@mail.ru

RYAZAN LAND AND ARTANIA/ARSANIA OF ARABIAN SOURCES

D. Loginov

Summary. The work is devoted to one of the most intriguing mysteries of early Russian history which is the story of the «three centers of Russia»: Kuyava, Slavia, Arsania which is repeatedly found in the Eastern sources. The author considers the possibility of identifying Arsania with Ryazan or Ryazan land as a whole. On the one hand, some of the arguments previously advanced in favour of such an identification cannot now be considered convincing. On the other hand, there are arguments that still speak in favor of this hypothesis. Chief among those is the special role of the Ryazan land in the trade by the Great Volga route since the late eight till the tenth century AD. The last argument till now forces to consider the comparison of the corresponding East data with the Ryazan region as one of the priority versions of localization of Arsania.

Keywords: Arsania, Ryazan land, early middle ages, Eastern sources on the history of Ancient Russia, Finno-Ugric, Eastern Slavs.

Аннотация. Статья посвящена одной из наиболее интригующих загадок ранней отечественной истории — сюжету о «трёх центрах Руси»: Куяве, Славии и Арсании, который неоднократно встречается в восточных источниках. Автор рассматривает возможность отождествления Арсании с Рязанью или Рязанской землёй в целом. С одной стороны, некоторые из доводов, приводившихся ранее в пользу такого отождествления, не могут быть теперь признаны убедительными. С другой — имеются аргументы, до сих пор говорящие в пользу этой гипотезы. Главным из них является особая роль Рязанской земли в торговле по Великому Волжскому пути в конце VIII — X в. Последний довод заставляет и теперь считать сопоставление сведений восточных источников с Рязанской землёй одной из приоритетных версий локализации Арсании.

Ключевые слова: Арсания, Рязанская земля, раннее средневековье, восточные источники по истории Древней Руси, финно-угры, восточные славяне.

Вопрос о происхождении Руси по сей день остаётся одним из дискуссионных вопросов отечественной историографии. Сторонники диаметрально расходящихся точек зрения так же противоположно трактуют и относительно немногочисленные и противоречивые данные источников по этой теме. Наиболее богаты разнообразными объяснениями сообщения восточных (преимущественно арабских и персидских) источников. Данный факт обусловлен, помимо тенденциозности самих «трактователей», объективными сложностями в однозначном переводе средневековых арабских текстов, а также разными научными традициями в области географии и этнографии на исламском Востоке и на христианском Западе, по сей день затрудняющими взаимное понимание историографического наследия прошлого. Весьма характерно иронично-пессимистичное высказывание на данный счёт одного из столпов норманизма — датского учёного В. Томсена: «любая теория проис-

хождения Руси может находить себе кажущуюся опору в сочинениях восточных писателей» [5, с. 245].

Одним из дискутируемых сюжетов в сообщениях восточных авторов является сообщение о трёх центрах русов: Куяве, Славии и Артании (или Арсании). Считается, что информация о трёх центрах русов восходит к утраченной работе географа А. аль-Балхи, написанной около 920 г., и несколько раз воспроизводится в трудах его последователей — представителей так называемой «классической школы» восточных географов: Абу Исхака Истахри (труд которого относится к 951 г.) и Ибн Хаукаля (свое произведение закончил около 977–978 гг.); далее — в «Худуд аль-алам мин ал-Машрик ила-л-Магриб» («Книга о пределах мира от Востока к Западу») неизвестного автора (около 982–983 гг.), позднее у М. аль-Идриси (закончил свой труд в 1154 г.) и у некоторых ещё более поздних учёных — Якута аль-Хамави (закончившего свой

географический словарь в 1224 г.), сирийского учёного-космографа Ш. ад-Димашки (1256–1327 гг.) и его современника и земляка Абу-л-Фида (1273–1331 гг.) и др.

При этом наиболее ценными, естественно, считаются наиболее ранние сведения ал-Истахри, Ибн Хаукаля, а также оставшегося неизвестным автора «Худуд аль-алам», возможно, дополнившими работу аль-Балхи оригинальными сведениями. Из позднейших авторов — данные аль-Идриси (также, вероятно, не сводившиеся к использованию и трактовке сведений предшественников) [6, с. 99–101]. В дальнейшем авторы повторяют устоявшиеся географические традиции, уже не адекватные реальному положению дел.

В источниках приводятся следующие сведения:

«Русы состоят из трёх племён, из которых одно ближайшее к Булгару, а царь его живёт в городе под названием Куяба, который больше Булгара. Другое племя, наиболее отдалённое от них, называется Славия. Ещё племя называется Артания, а царь его живёт в Арте. Люди отправляются торговать в Куябу; что же касается Арты, то мы не припоминаем, чтоб кто-нибудь из иностранцев странствовал там, ибо они убивают всякого иноземца, вступившего на их землю. Они отправляются вниз по воде и ведут торг, но ничего не рассказывают про свои дела и товары и не допускают никого провожать их и вступить в их страну. Из Арты вывозят чёрных соболей и свинец» [6, с. 99–100].

«Русов три вида. [Один] вид их — ближайший к Булгару, а царь их — в городе, называемом Куяба, и он больше, чем Булгар. А вид самый высокий из них называется Славийа, и царь их [живёт] в Сла — городе для них. И вид их [третий] называется ал-Арсанийа, и царь их [располагается] в Арса — городе для них. Люди достигают для торговли Куябы и её окрестностей. Что же касается Арса, то я не слышал, чтобы кто-нибудь упоминал, что входил в неё [когда-либо] чужеземец, потому что они убивают каждого, кто ступит на их землю из иноземцев. И вот они спускаются по воде, торгуют и не сообщают ничего о своих делах и своих товарах, и не позволяют никому сопровождать их и входить в их страну. Возят из Арса черных соболей, бурых лисиц, свинец и частично ртуть» [1].

«URTAB — город, в котором убивают чужеземцев всегда, когда они посещают его. Он производит весьма ценные клинки и мечи, которые можно согнуть вдвое, но как только руку убирают, они возвращаются в прежнее положение» («Худуд аль-алам») [4].

«Русов три вида. Один вид их называется рус, и царь их живёт в городе Кукийана. Другой их вид называется ас-Славийа, а царь их — в городе Слав; этот город

на вершине горы. Третий вид называется ал-Арсанийа, и царь его пребывает в городе Арсани. Город Арсани — красивый город на горе, он укреплён, а местонахождение его между [городами] Слав и Кукийана. От Кукийаны до Арсани — 4 дня пути и от Арсани до Слава — 4 дня пути. Купцы-мусульмане из Армении доходят то Кукийаны, а что касается города Арсан[и], то шейх ал-Хаукали сообщает, что никто из чужеземцев туда не вступает, так как они обязательно убивают любого чужеземца, входящего к ним, и никто не отваживается войти в их землю. От них вывозят шкуры чёрных леопардов и чёрных лисиц и свинец (или олово) — всё это [вывозят] от них купцы Кукийаны» [8].

Уже простое сравнение имеющихся переводов соответствующих сообщений показывает сложность их трактовки, обусловленную, во-первых, особенностями критики источников (помимо прочего вариативность чтений конкретных этнонимов и топонимов в консонантных арабоязычных текстах; дискуссионность протографов), а, во-вторых, позициями самих переводчиков. В задачу настоящего исследования не входит подробный анализ восточных сообщений на предмет конкретного географического соотнесения всех трёх «центров русов», известных из восточных средневековых источников. Отметим лишь довольно единодушное соотнесение «Куябы» (и близких по фонетической трактовке топонимов) с Киевом, а «Славии» (и близких по фонетической трактовке топонимов) — с Новгородом, либо шире — с территорией обитания новгородских словен. Наиболее сложным для объяснения оказался третий центр «русов». Его пытались отыскать в самых разных уголках ареала расселения восточных славян (и не только). В качестве кандидатов в разное время, в частности, рассматривались Аркона, Арзамас, Пермь, Тмутаракань, некий город в Крыму, Ростов и др.

Одним из довольно популярных вариантов в историографии являлось и отождествление Артании/Арсании с Рязанью или шире — с Рязанской землёй. В разное время её апологетами являлись Д. Ф. Щеглов [11, с. 15], А. А. Шахматов [10, с. 35–36], В. Ф. Минорский, А. Л. Монгайт [6; 7, с. 103–108, 110–114]. А. Л. Монгайт наиболее подробно аргументировал свою позицию. Основоположающим доводом, общим для всех сторонников идентификации Артании/Арсании как Рязани, является созвучие названий «Артания» и «эрзя». Название же «Рязань» данными авторами выводится из имени мордовского племени: от «Эрдзяния». А. Л. Монгайт дополняет данное соображение рассуждениями географического характера: размещение средневековыми арабскими авторами русов на Волге и её притоках, а также «срединное» положение Артании между Куябой (Киевом) и Славией (Новгородской землёй). Кроме того, археолог приводит интересные параллели между описаниями деталей

убранства женщин русов у Ибн-Фадлана и украшения населения, оставившего рязано-окские могильники. У Ибн-Фадлана находим следующее: «А что касается каждой женщины из их числа, то на груди её прикреплено кольцо или из железа, или из серебра, или (из) меди, или (из) золота, в соответствии с (денежными) средствами её мужа и с количеством их. И у каждого кольца — коробочка, у которой нож, также прикреплённый на груди. На шеях у них (женщин) (несколько рядов) монист из золота и серебра, так как если человек владеет десятью тысячами дирхемов, то он справляет своей жене одно монисто (в один ряд), а если владеет двадцатью тысячами, то справляет ей два мониста, и таким образом каждые десять тысяч, которые у него прибавляются, прибавляются в виде (одного) мониста у его жены, так что на шее какой-нибудь из них бывает много (рядов) монист. Самое лучшее из украшений у них (русов) это зелёные бусы из той керамики, которая находится на кораблях. Они (русы) заключают (торговые) контракты относительно них, покупают одну бусину за дирхем и нанизывают, как ожерелья, для своих жён» [9]. По мнению А.Л. Монгайта первое из украшений, упоминаемых у Ибн-Фадлана, — «это гривны, “ободы” или “обручи”, надевавшиеся на шею. В некоторых случаях посреди гривны прикреплялась большая круглая бляха, иногда сделанная в виде полой внутри коробочки. При больших размерах гривны коробочка оказывалась на груди. Вероятно, изредка и сама гривна носилась на груди... Гривны бывают железные, медные и серебряные...» [7, с. 110]. Один из типов гривен — с круглой бляхой или замком в виде низкой коробочки, причём вне территории рязанских могильников такие гривны не встречаются [7, с. 110–111]. Ножи также являлись частью женского убранства у населения, оставившего рязано-окские могильники. Ножи обнаружены почти в одной трети женских погребений Борковского, Кузьминского и Шатрищенского могильников, причём в некоторых случаях их, видимо, действительно носили на груди. Под «монистом», как считает археолог, также следует понимать гривну, а бусы в рассматриваемый период — одно из самых распространённых украшений в Восточной Европе [7, с. 111–112].

В статье 1947 г. исследователь прямо отождествлял Артанию с Рязанью, но в дальнейшем вынужден был скорректировать свою позицию, поскольку выяснилось, что на месте Рязани не существовало крупного славянского центра в IX — X вв., к которым относятся наиболее ранние восточные упоминания о трёх центрах русов. Тем не менее, он продолжал помещать Артанию где-то на территории рязанского Поочья (по его трактовке — в земле вятичей). Имя «эрзи» по Монгайту было дано этой земле арабами по ошибке, из-за соседства славян с мордовским племенем. Сами созвучия слова «Артания» с «Эрзанией», а последней — с Рязанью могли представлять собой два самостоятельных явления [7, с. 108].

В последние десятилетия, преимущественно в краеведческой среде, получило распространение мнение о возможном тождестве Артании с Тереховским городищем — предположительным политическим и религиозным центром культуры рязано-окских могильников. Его пропагандистом является, в частности, директор Шиловского районного краеведческого музея А.П. Гаврилов (с 2018 г. — заведующий музейным отделом в составе музейного комплекса).

К отождествлению Артании/Арсании средневековых восточных источников с Рязанью, при всей его заманчивости, следует подходить крайне осторожно. Преимущество Рязани перед другими центрами — претендентами на роль Артании, по большому счёту, состоит в возможной этимологической близости названий (которая-то в своё время и стала основанием гипотезы). Однако, во-первых, нельзя не отметить чрезвычайное разнообразие вариантов как написания, так и транслитерации на русский язык арабского топонима. Во-вторых, даже если вслед за А.Л. Монгайтом отказаться от прямого сопоставления Артании с Рязанью (возникшей как город не ранее середины XI в.), остаётся проблема присутствия в регионе или в непосредственной близости от него мордвы-эрзи вообще (соответствующие данные отсутствуют). В-третьих, из названий «Ростов» или «Аркона» имя «Арта» при желании может быть выведено подобным же образом. Прочие аргументы также ненадёжны. «Срединное» положение Арты между Куябой и Славией можно отнести к тому же Ростову или, например, Гнёздову, тем более что сведения о «четырёх днях пути» от «От Кукийяны до Арсани» и от «от Арсани до Слава» одинаково фантастичны при любой интерпретации Арты в реалиях восточнославянских земель раннего средневековья, если принять сопотенсание Куявы с Киевом, а Славии — с землёй ильменских словен (здесь наиболее убедителен А.Г. Кузьмин, склонявшийся к локализации всех трёх «центров русов» на гораздо более компактной территории балтийских славян). Упоминание экспорта из Артании шкур соболей, бурых лисиц, свинца (или олова), ртути и в особенности «особо ценных» клинков и мечей также нельзя интерпретировать как однозначное свидетельство тождества Арты с Рязанской землёй. А.Л. Монгайт действительно показывает, что чёрно-бурые лисы (не говоря уже о соболях) являлись объектом охоты на Рязанщине до XV в., а слова «олово» и «свинец» по-арабски пишутся одинаково, поэтому под «свинцом» арабских источников вполне можно понимать олово; между тем, выходы оловянной руды, разрабатывавшиеся в древности, были обнаружены недалеко от Старой Рязани, в районе с. Бестужево [6, с. 110]. Однако в качестве определяющих признаков Рязанской земли, принципиально выделяющих её среди прочих претендентов на роль Артании, все вышеперечисленные едва ли могут рассматриваться. Отсутствуют надёжные данные и об изучаемой нами территории как

возможном центре производства (или даже перевалочного центра торговли) «ценных клинков», под которыми, очевидно, следует понимать франкские мечи (во всяком случае, на момент появления наиболее ранних восточных сообщений об Артании). Некоторые детали убранства женщин русов у Ибн-Фадлана разительно напоминают отдельные женские украшения из материалов культуры рязано-окских могильников. Но у Ибн-Фадлана мы как раз не находим никаких упоминаний об Артании, к тому же вполне возможен вариант «нерусского» происхождения описываемых жён русов. Не является надёжным и довод о недостаточной осведомлённости восточных авторов как причине неточностей в их описаниях трёх центров русов, поскольку он в равной мере приложим к любой локализации Арты.

Однако целиком исключать возможность тождества Рязанской земли с Артанией тоже нельзя. В пользу такого предположения говорит важная роль Среднего Поочья, в частности, Борковского поселения, в торговле по Великому Волжскому пути в IX — XI вв. Будущая Рязанская земля играла в системе Великого Волжского пути по выражению И. В. Дубова «какое-то особое значение» [3, с. 141]. У неё была «роль как бы перевалочного района с Волжского пути на Донской и Днепровский» [3, с. 141]. Далее автор пишет о важнейшем значении Оки в Волжской водной системе в домонгольский период [3, с. 148]. Об особом значении рязанского отрезка Оки свидетельствует по И. В. Дубову несравнимое «ни с каким другим регионом Руси» количество «кладов и отдельных находок куфических монет» [3, с. 141]. А. Л. Монгайт ещё в 1961 г. составил сводку из 64 подобных находок [7, с. 91–93]. И. В. Дубов пишет о более чем 40 кладах, зарытых в землю в IX — X столетиях [3, с. 141]. А. Г. Кузьмин отмечал, что в среднем течении Оки, примыкающем к верховьям Дона, фиксируется наибольшее количество кладов восточных монет. Относительно недавно в диссертационном исследовании «Восточное монетное серебро IX — начала XI в. в Среднем и Нижнем Поочье» для обозначенного в исследовании региона (значительно превышающего, впрочем, территорию Рязанского края: в его состав также входят районы Владимирской, Калужской, Московской, Нижегородской, Пензенской, Тамбовской, Тульской областей и республики Мордовия) обозначены цифры: 56 кладов с куфическими монетами и более 312 одиночных дирхамов и подражаний им [2, с. 9]. В этом же исследовании отмечается, что максимальная концентрация находок среди всех поселений

Поочья наблюдается в Борках. По данному параметру селение вполне сопоставимо с такими торговыми центрами, как Киев, Новгород, Старая Ладога и Гнёздово. Возможно, что в последней четверти X в. оно играло не только торговую, но и какую-то административную роль. Об этом могут свидетельствовать дирхамы с относящимися к геральдическим знакам эпохи ранних Рюриковичей предметными граффити, происходящими из кладов 1951 и 1958 гг. [2, с. 19–20].

Спорным является увязывание Арты с Тереховским городищем или в более широком масштабе — с дославянским населением культуры рязано-окских могильников. С одной стороны, расцвет последней пришёлся на период, предшествовавший наиболее ранним сведениям арабских авторов. С другой — по наблюдениям А. А. Гомзина, материалы Тереховского городища позволяют считать, что его связь с обращением куфических монет в регионе началась примерно в 950-е гг. [2, с. 20], то есть, напротив, позже, чем появились наиболее древние упоминания об Арте. В то же время восточные описания внешности и одежды русов, их быта и традиций действительно не могут быть объяснены, исходя только из восточнославянских реалий. Можно предположить, что в данных описаниях оказались причудливо переплетены этнографические черты разных по происхождению народов прошлого, что в том числе предопределяет сложность интерпретаций современными исследователями.

В целом восточные представления об Арте могли отражать важную роль Среднего Поочья в системе торговли по Великому Волжскому пути в IX — XI вв. Однако у Рязанской земли есть в данном случае серьёзные «конкуренты», причём не только среди восточнославянских центров. Данная «конкуренция» тем более серьёзна, что главное лингвистическое доказательство о связи названий «Арта»/«Арса», с одной стороны, и «Рязань» или «эрзя» — с другой, подтверждения не получило. Наиболее серьёзными альтернативами являются во-первых, гипотеза, постулирующая поиск всех трёх «центров Руси» на территории балтийских славян, во-вторых, признание Артании/Арсании плодом недопонимания средневековыми арабоязычными авторами восточноевропейских политических реалий IX — X вв. Ответ на поставленный в статье вопрос может дать только дальнейшее изучение древнейших протогосударственных центров восточной Европы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абу-л-Касым ибн Хаукаль. Книга путей и стран // <http://www.vostlit.info/Texts/rus9/Haukal/text5.phtml>. 1.6.2.14.
2. Гомзин А. А. Восточное монетное серебро IX — начала XI в. в Среднем и Нижнем Поочье. Автореферат на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Специальность 07.00.06 — археология. М., 2013. 26 с.

3. Дубов И. В. Великий Волжский путь. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 259 с.
4. Книга о пределах мира от Востока к Западу // <http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Hudud/text44.html>.
5. Кузьмин А. Г. Начало Руси. Тайны рождения русского народа. М.: Вече, 2003. 426 с.
6. Монгайт А. Л. К вопросу о трёх центрах Древней Руси // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Вып. XVI. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1947. С. 103–112.
7. Монгайт А. Л. Рязанская земля. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 400 с.
8. Мухаммад аль-Идриси. Развлечение страстно желающего странствовать по землям // <http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Ildrisi/frametext2.htm>.
9. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу // <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/fadlan.htm>.
10. Шахматов А. А. Древнейшие судьбы русского племени. Пг.: Русский исторический журнал, 1919. 64 с.
11. Щеглов Д. Ф. Первые страницы русской истории // Журнал Министерства народного просвещения. 1876. Ч. CLXXXV. Май. Отд. 2. С. 1–68.

© Логинов Дмитрий Сергеевич (dimok_star@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Рязанский государственный медицинский университет имени И. П. Павлова